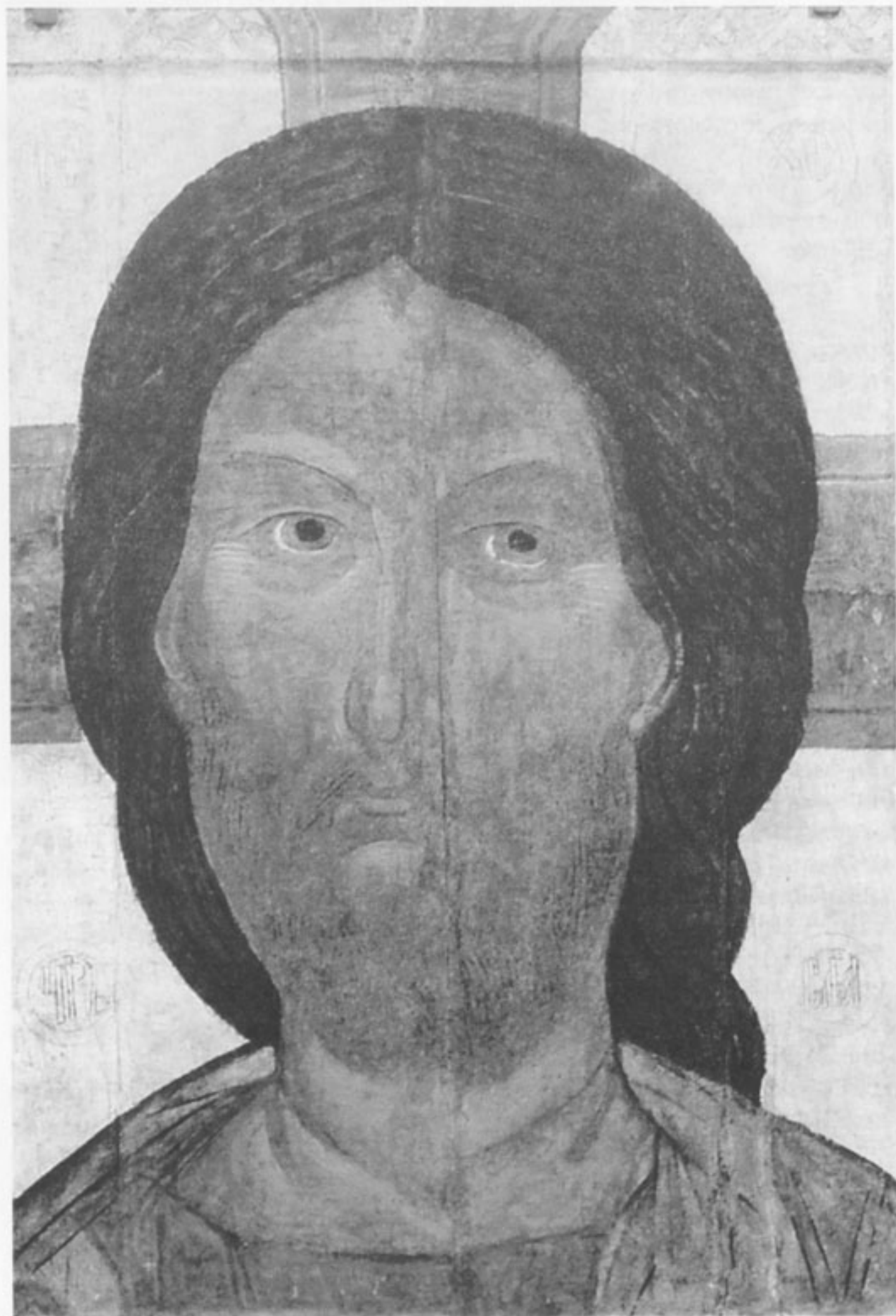

Спас Ярое Око. Кон. XIV – нач. XV в. Государственный Русский музей

РОССИЯ НИКОГДА НЕ БЫЛА ВОСТОКОМ

Д (Об исторических закономерностях
и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?)

Для русской земли (особенно в первые века ее исторического бытия) гораздо больше значило ее положение между Севером и Югом, и потому ей гораздо больше подходит определение Скандославии, чем Евразии, так как от Азий она, как ни странно, получила чрезвычайно мало.

Отрицать значение воспринятого из Византии и Болгарии христианства в самом широком аспекте их воздействия означает становиться на крайние позиции вульгарного "исторического материализма". И речь идет не просто о смягчении нравов под влиянием христианства (мы по себе сейчас хорошо знаем, к чему в области общественной нравственности приводит атеизм как официальное мировоззрение), а о самом направлении государственной жизни, о междукняжеских отношениях и об объединении Руси.

*Св. Борис. Фрагмент иконы
"Святые Борис и Глеб с житием"
из церкви св. Бориса и Глеба
в Запрудях в Коломне. XIV в.
Государственная
Третьяковская галерея*

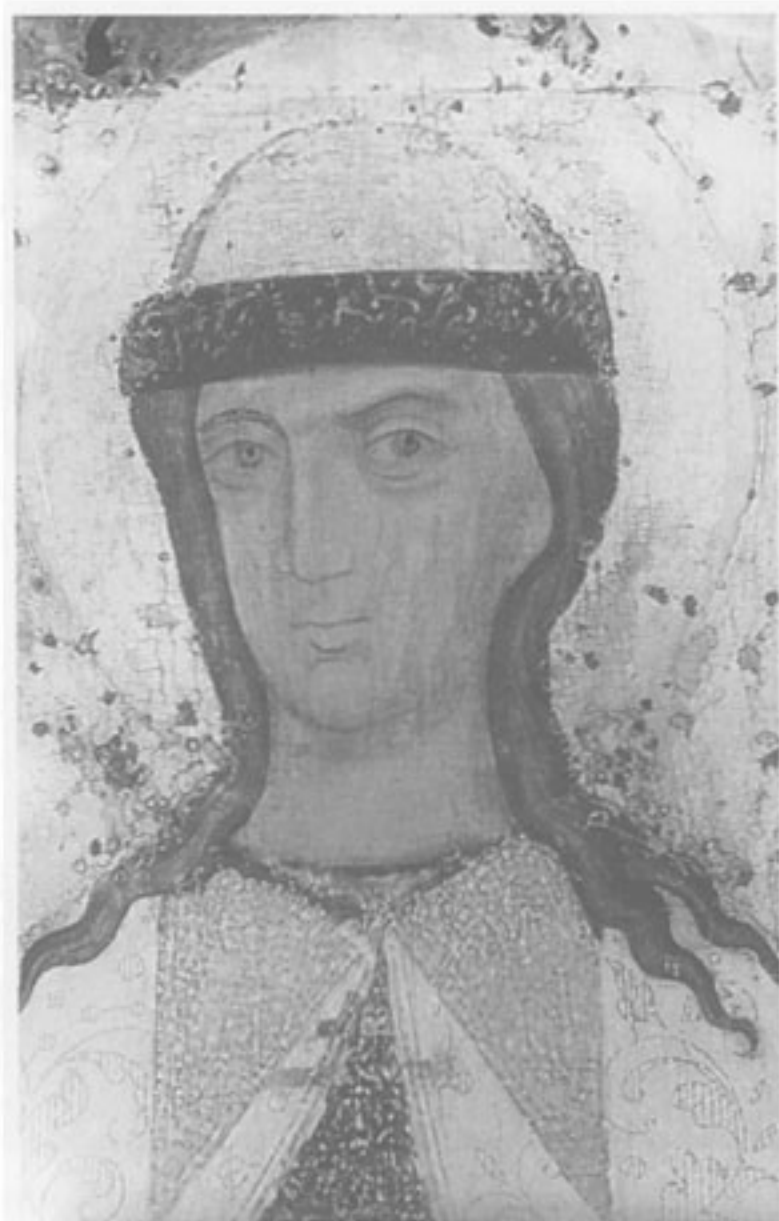
Обычно русскую культуру характеризуют как промежуточную между Европой и Азией, между Западом и Востоком, но это пограничное положение видится, только если смотреть на Русь с Запада. На самом же деле влияние азиатских кочевых народов было в оседлой Руси ничтожно. Византийская культура дала Руси ее духовно-христианский характер, а Скандинавия в основном – военно-дружинное устройство.

В возникновении русской культуры решающую роль сыграли Византия и Скандинавия, если не считать собственной ее народной, языческой культуры. Через все

гигантское многонациональное пространство Восточно-Европейской равнины протянулись токи двух крайне несхожих влияний, которые и сыграли определяющее значение в создании культуры Руси. Юг и Север, а не Восток и Запад, Византия и Скандинавия, а не Азия и Европа.

В самом деле: обращение к заветам христианской любви сказывалось на Руси не только в личной жизни, что в полной мере трудно учитываемо, но и в политической. Приведу только один пример. Ярослав Мудрый начинает свое политическое завещание сыновьям следующими словами: "Се аз отхожу света сего, сынове мои; имейте в собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, Бог будетъ в вас, и покорить вы противныя под вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распрях и которающесе (враждуя. – Д.Л.), то погыбнете сами и погубите землю отецъ своих и дедъ своих, иже налезоша трудом своим великим; но пребывайте мирно, послушающе брат брата". Эти заветы Ярослава Мудрого, а затем Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава были сопряжены с установлениями взаимоотношений князей между собой и пра-

Св. Глеб. Фрагмент иконы
 "Святые Борис и Глеб
 с житием" из церкви
 св. Бориса и Глеба в Запрудях
 в Коломне. XIV в.
 Государственная
 Третьяковская галерея

вопорядком наследования княжествами.

Гораздо сложнее, чем духовное влияние Византии с Юга, было значение для государственного строя Руси Скандинавского Севера. Политический строй Руси в XI–XIII веках представлял собой, по аргументированному мнению В. И. Сергеевича, смешанную власть князей и народного веча, существенно ограничивавшего на Руси права князей¹. Княжеско-вечевой строй Руси сложился из соединения северогерманской организации княжеских дружин с исконно существовавшим на Руси вечевым укладом.

Говоря о шведском государственном влиянии, мы должны помнить о том, что еще в XIX веке писал немецкий исследователь К. Леманн: "Шведский строй в начале тринадцатого века (следовательно, спустя три века после призвания варягов. – Д. Л.) еще не достиг государственно-правового понятия «государства». «Riki» или «Konungs-riki», о котором во многих местах говорит древнейшая запись вестготского права, является суммой отдельных государств, которые связаны друг с другом только личностью короля. Над этими «отдельными государствами», «областями» нет никакого более высокого государственно-правового единства, ни самостоятельного единства, ни единства, происходящего из областей посредством избрания или рождения. Случайно они стоят один рядом с другим, если не обращать внимания на королей. Каждая область имеет свое собственное право, свой

¹ Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. М., 1867.

Св. Николай.
Фрагмент фрески
церкви св. Георгия
в Старой Ладогге. XII в.

собственный административный строй. Принадлежащий к одной из прочих областей является иностранцем в том же смысле, как принадлежащий к другому государству”².

Единство Руси было с самого начала русской государственности, с X века, гораздо более реальным, чем единство шведского государственного строя. И в этом, несомненно, сыграло свою роль христианство, пришедшее с Юга, ибо Скандинавский Север еще долго оставался языческим. Призванные из Швеции конунги – Рюрик, Синеус и Трувор (если таковые действительно существовали) – могли научить русских по преимуществу военному делу, организации дружин. Княжеский же строй в значительной мере поддерживался на Руси собственными государственными и общественными традициями: вечевыми установлениями и земскими обычаями. Именно они имели значение в период зависимости от татар-завоевателей, ударивших главным образом по князьям и княжеским установлениям.

² *Lehmann K. Der Königsfreide der Nordgermanen. Leipzig, 1886. S. 7 (см.: Пресняков А. Княжое право в Древней Руси. М., 1993. С. 61).*

Итак, в Скандинавии государственная организация существенно отставала от той, которая существовала на Руси, где междукняжеские отношения сложились в основном при Владимире Мономахе и его старшем сыне Мстиславе, а затем продолжали меняться под влиянием внутренних потребностей в XII и XIII веках.

Когда в результате нашествия Батыя, явившегося чрезвычайным бедствием для Руси (что бы ни писали о нем евразийцы, подчинявшие факты своей концепции), был разгромлен княжеско-дружинный строй русской государственности, опорой народа остался только его общинно-государственный быт (так думал и крупнейший украинский историк М. С. Грушевский).

Традиции государственности и народ

Отвечая на вопрос о значении Скандинавии для установления на Руси определенных форм государственной власти, мы подошли и к вопросу о роли демократических традиций в русской исторической жизни. Общим местом в суждениях о России стало утверждение, что в России не было традиций демократии, традиций нормальной государственной власти, мало-мальски учитывающей интересы народа. Еще один предрассудок! Не будем приводить всех фактов, опровергающих это избитое мнение. Пунктирно наметим только то, что говорит против...

Договор 945 года между русскими и греками заключается словами “и от всякая княжья и от всех людей Руския земля”, а “люди Руской земли” – это не только славяне, но на равных основаниях финно-угорские племена – чудь, меря, весь и прочие.

Князья сходились на княжеские собрания – “снемы”. Князь начинал свой день, совещаясь со старшей дружиной – “боярами думающими”. Княжеская дума – постоянный совет при князе. Князь не предпринимал дела, “не поведав мужем лепшим думы своея”, “не сгадав с мужми своими”.

Следует учитывать также издавнее существование законодательства – Русской Правды. Первый же Судебник был создан уже в 1497 году, что значительно раньше, чем аналогичные акты у других народов.

Абсолютная монархия

Как ни странно, но абсолютизм появился в России вместе с влиянием Западной Европы при Петре Великом. Именно с Петра прекратили собираться выборные учреждения, прекратила свое существование и Боярская

*Царь Соломон. Фрагмент фрески
церкви св. Георгия
в Старой Ладого. XII в.*

дума, имевшая власть не соглашаться с государем. Под документами Боярской думы наряду с обычной формулой «Великий государь говорил, а бояре приговорили» можно встретить и такие формулировки: «Великий государь говорил, а бояре не приговорили». Патриарх в своих решениях часто расходился с царем. Многочисленные примеры тому можно встретить в период правления царя Алексея Михайловича и патриаршества Никона.

И Алексей Михайлович вовсе не был бездеятельным и безвольным человеком. Скорее обратное. Конфликты царя и патриарха достигали драматических ситуаций. Не случайно Петр, воспользовавшись удобным случаем, упразднил патриаршество и заменил патриаршее управление коллегиальными решениями Синода. Петр был прав в одном: легче подчинить себе чиновничье большинство, чем одну сильную личность. Это мы знаем и по нашему времени. Может существовать гениальный и популярный полководец, но не может быть гениального и популярного генерального штаба. В науке великие открытия, сделанные одним человеком, почти всегда встречали сопротивление большинства ученых. За примерами ходить не далеко: Коперник, Галилей, Эйнштейн.

Впрочем, это не значит, что я на этом основании отдаю предпочтение монархии. Я отдаю предпочтение сильной индивидуальности, а это нечто совсем другое.

Теория «московского империализма» – «Москва–Третий Рим»

Странно думать, что в еще не подчинившемся Москве Пскове старец небольшого Елеазарова монастыря мог создать концепцию агрессивного московского империализма.

Между тем давно указан смысл и источник этих кратких слов о Москве как Третьем Риме и раскрыта подлинная концепция происхождения ее великокняжеской власти – «Сказание о князьях владимирских».

Император, по византийским представлениям, был протектором Церкви, при этом единственным в мире. Ясно, что после падения Константинополя в 1453 году, в обстановке отсутствия императора, русской Церкви необходим был другой протектор. Он и был определен старцем Филофеем в лице московского государя. Другого православного монарха в мире не существовало. Выбор Москвы в качестве преемницы Константинополя как нового Царьграда явился естественным следствием представлений о Церкви. Почему же потребовалось целых полвека, чтобы прийти к подобной мысли, и почему Москва в XVI веке не приняла этой идеи, заказывая отставному митрополиту Спиридону совсем другую концепцию – «Сказание о князьях владимирских», преемниками которых были московские государи, носившие титул «владимирских»?

Дело объясняется просто. Константинополь впал в ересь, присоединившись к Флорентийской унии с католической церковью, и признавать себя вторым Константинополем Москва не хотела. Поэтому и была создана концепция о происхождении князей владимирских непосредственно из Первого Рима от Августа кесаря³.

Только в XVII веке концепция Москвы как Третьего Рима приобрела несвойственный ей вначале расширительный смысл, и уж совсем глобальное значение получили в XIX и XX веках несколько фраз Филофея в его посланиях к Ивану III. Гипнозу одностороннего политического и исторического понимания идеи Москвы как Третьего Рима были подвержены Гоголь, Константин Леонтьев, Данилевский, Владимир Соловьев, Юрий Самарин, Вячеслав Иванов, Бёрдяев, Карташев, С. Булгаков, Николай Федоров, Флоровский и тысячи, тысячи других. Меньше всего представлял себе огромность своей идеи сам ее «автор» – старец Филофей.

Православные народы Малой Азии и Балканского полуострова, оказавши-

Голова юноши. Фрагмент фрески собора Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде. 1125

³ Дмитриева Р. П. *Сказание о князьях владимирских*. Л., 1955.

еся в подчинении мусульман, до падения Константинополя признавали себя подданными императора. Это подчинение было чисто умозрительное, тем не менее, оно существовало, пока существовал византийский император. Существовали эти представления и в России. Они исследованы в прекрасном труде Платона Соколова "Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века" (Киев, 1913), оставшемся малоизвестным из-за последовавших за выходом этой книги событий.

Крепостное право

Говорят и пишут, будто крепостное право сформировало характер русских, но при этом не учитывают, что вся северная половина Российского государства никогда не знала крепостного права и что крепостное право в центральной его части водворяется сравнительно поздно. Раньше России крепостное право формируется в прибалтийских и прикарпатских странах. Юрьев день, позволявший крестьянам уходить от своего помещика, сдерживал жестокость крепостной зависимости, пока не был упразднен. Крепостное право в России отменено раньше, чем в Польше и в Румынии, раньше, чем отменили рабство в Соединенных Штатах Америки. Жестокость крепостного права в Польше усиливалась и национальной рознью. Крепостные крестьяне в Польше были по преимуществу белорусы и украинцы.

Полное освобождение крестьян в России подготовлялось уже при Александре I, когда были введены ограничения крепостного права. В 1802 году провозглашается закон о вольных хлебопашцах, а еще до этого император Павел I указом 1797 года установил высшую норму крестьянского труда в пользу помещиков – три дня в неделю.

Если обратиться к другим фактам, то нельзя обойти вниманием организацию Крестьянского банка в 1882 году для субсидирования покупки земли крестьянами.

То же и в рабочем законодательстве. Целый ряд законов был принят в пользу рабочих при Александре III: ограничение фабричных работ малолетних в 1882 году – раньше, чем аналогичные законы приняли в других странах, ограничение ночных работ подростков и женщин в 1885 году и законы, регулирующие фабричный труд рабочих в целом, – 1886–1897 годы.

Мне могут возразить: но ведь есть и противоположные факты – отрицательных действий правительства. Да, особенно в революционное время 1905 и последующих годов, однако, как это ни парадоксально, положительные явления в своем идейном значении только усиливаются, когда за них приходится бороться. Значит, народ добивался улучшения своего существования и боролся за свою личную свободу.

Ангел. Фрагмент иконы
"Илья Пророк в пустыне
с житием и деисусом".
Псков. XIII в.

"Тюрьма народов"

Очень часто приходится читать и слышать, что царская Россия была "тюрьмой народов". Но никто при этом не упоминает, что в России сохранялись религии и вероисповедания – католическое и лютеранское, а также ислам, буддизм, иудаизм.

Как многократно отмечалось, в России сохранялось обычное право и привычные народам гражданские права. В Царстве Польском продолжал действовать кодекс Наполеона, в Полтавской и Черниговской губерниях – Литовский статут, в Прибалтийских губерниях – Магдебургское городское право, местные законы действовали на Кавказе, в Средней Азии и Сибири. Конституция – в Финляндии, где еще Александр I организовал четырехсословный Сейм.

И опять приходится сказать: да, имелись и вопиющие факты национального угнетения, но это не означает, что надо закрывать глаза на то, что национальная вражда не достигала размеров нынешней или что значительная часть российского дворянства была татарского и грузинского происхождения.

Для русских другие нации всегда представляли особую притягательную силу. Притягательные силы к другим народам, особенно слабым, малочисленным, помогли России сохранить на своих пространствах около двухсот народов. Согласитесь – это немало. Но этот же "магнит" постоянно отталки-

"Корсунские" (Магдебургские) врата из Софийского собора в Новгороде. XII в.

*Детали "Корсунских" врат
из Софийского собора в Новгороде. XIII в.*

вал главным образом жизнедеятельные народы – поляков, евреев. В поле силовых линий, притягивавших и отталкивавших от русских другие народы, оказались втянуты даже Достоевский и Пушкин. Первый подчеркивал в русских их всечеловечность, а вместе с тем в противоречии с этим своим убеждением нередко срывался в бытовой антисемитизм. Второй, заявляя, что к памятнику его придет всякий живущий в России народ ("...всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык"), написал стихотворение "Клеветникам России", в котором "волнения Литвы" (то есть в терминологии того времени – Польши) против России счел спором славян между собой, в который не должны вмешиваться другие народы.

Отрыв России от Европы

Была ли Россия в течение семисот лет своего существования до Петра оторвана от Европы? Да, была, но не в такой мере, в которой это про-

возглашалось самим создателем подобного мифа Петром Великим. Миф этот потребовался Петру для прорыва в Северную Европу. Однако еще до татарского нашествия у России существовали интенсивные отношения со странами южной и северной Европы. Новгород входил в Ганзейский союз. В Новгороде был готский вымол, у готландцев в Новгороде имелась своя церковь. А еще до того “путь из Варяг в Греки” в IX–XI веках был главным путем торговли стран Балтики со странами Средиземноморья. С 1558 по 1581 год русское государство владело Нарвой, куда, минуя Ревель и другие порты, приезжали для торговли не только англичане и голландцы, но и французы, шотландцы, немцы.

В XVII веке основное население Нарвы оставалось русским, русские не только вели обширную торговлю, но занимались и литературой, о чем свидетельствует опубликованный мною “Плач о реке Нарове 1665 г.”, в котором жители Нарвы жалуются на притеснения со стороны шведов⁴.

Англичанин Джайльс Флетчер в своем сочинении о России (“О государстве Русском”. СПб., 1906) пишет, что когда Нарва была русской, то через таможеню ежегодно проходило до 100 судов с русским льном и пенькой.

Культурная отсталость

Распространено мнение, что русский народ крайне некультурен. Что это значит? Действительно, поведение русских в своей стране и за рубежом “заставляет желать лучшего”. Попадают в “загранки” далеко не выдающиеся представители нации. Это известно. Известно и то, что чиновники, а особенно взяточники, на протяжении 75 лет большевистской власти считались наиболее надежными и “политически грамотными”. Однако русская культура, насчитывающая тысячу лет своего существования, бесспорно, я бы сказал, “выше среднего”. Достаточно назвать несколько имен: в науке – Ломоносов, Лобачевский, Менделеев, В. Вернадский, в музыке – Глинка, Мусоргский, Чайковский, Скрябин, Рахманинов, Прокофьев, Шостакович, в литературе – Державин, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Блок, Булгаков, в архитектуре – Воронихин, Баженов, Стасов, Старов, Штакеншнейдер... Стоит ли перечислять все области и давать примерный список их представителей? Говорят – нет философии. Да, того типа, что в Германии, мало, но русского типа вполне достаточно – Чаадаев, Данилевский, Н. Федоров, Вл. Соловьев, С. Булгаков, Франк, Бердяев.

А русский язык – его классической поры – XIX век? Разве не свидетельствует он сам по себе о высоком интеллектуальном уровне русской культуры?

⁴ Лихачев Д. С. Плач о реке Нарове 1665 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 333–338.

Берестяная грамота. Новгород. XII в.

Откуда все это могло бы взяться, не будь появление всех ученых, музыкантов, писателей, художников и архитекторов подготовлено состоянием культуры на ее высших уровнях?

Говорят также, что Россия была страной чуть ли не сплошной неграмотности. Это не совсем точно. Статистические данные, собранные академиком А. И. Соболевским по подписям под документами XV–XVII веков, свидетельствуют о высокой грамотности русского народа. Первоначально этим даным не поверили, но их подтвердили и открытые А. В. Арциховским новгородские берестяные грамоты, писанные простыми ремесленниками и крестьянами.

В XVIII–XIX веках русский Север, не знавший крепостного права, был почти сплошь грамотным, и в крестьянских семьях до последней войны существовали большие библиотеки рукописных книг, остатки которых удастся сейчас собирать.

В официальных переписях XIX–XX веков старообрядцев обычно записывали неграмотными, так как они отказывались читать печатные книги, а старообрядцы на Севере и на Урале, да и в ряде других районов России, составляли основную часть коренного населения.

Исследования Марины Михайловны Громыко и ее учеников показали, что объем знаний крестьян по земледелию, рыболовству, охоте, русской истории, воспринятой через фольклор, был весьма обширен. Просто существуют разные типы культуры. И культура русского крестьянина, конечно, была не университетской. Университетская культура появилась в России поздно, но в XIX и XX века быстро достигла высокого уровня, особенно в том, что касалось филологии, истории, востоковедения⁵.

⁵ В XIX в. Россия сделалась крупнейшей библиотечной державой. Кроме Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, занимавшей третье место в мире по числу книг, библиотек Академии наук, Румянцевской, Киевского университета, духовных академий в Петербурге, Казани, Киеве, библиотек университетов, высших учебных заведений, военных корпусов, гимназий и реальных училищ, существовали великолепные частные библиотеки, особенно усадебные, благодаря которым в провинции, а иногда и в деревенских условиях, воспитывались замечательные писатели и ученые.

*Ангел. Клеймо иконы
"Богоматерь Умиление (Белозерская)".
XII – первая пол. XIII в.
Государственный Русский музей*

Так что же произошло с Россией?

Почему огромная по численности и великая по своей культуре страна оказалась в таком трагическом положении? Десятки миллионов расстрелянных и замученных, умерших от голода и погибших в "победоносной" войне. Страна героев, мучеников и... тюремных надсмотрщиков. Почему?

И опять идут поиски особой "миссии" России. На этот раз наиболее распространенной идеей становится старая, но "перевернутая" идея: Россия выполняет свою миссию – предостеречь мир от гибельности искусственных государ-

ственных и общественных образований, показать несбыточность и даже катастрофичность социализма, надеждами на который жили "передовые" люди, особенно в XIX веке. Это невероятно! Я отказываюсь верить даже в одну сотую, одну тысячную долю благодетельности такой "миссии".

Никакой особой миссии у России нет и не было!

Судьба нации принципиально не отличается от судьбы человека. Если человек приходит в мир со свободной волей, может выбирать сам свою судьбу, может стать на сторону добра или зла, сам отвечает за себя и сам себя судит за свой выбор, обрекая на чрезвычайные страдания или на счастье признания – нет, не собой, а Высшим Судьей своей причастности к добру (я намеренно выбираю осторожные выражения, ибо никто не знает точно, как происходит этот суд), то и любая нация точно так же отвечает за свою судьбу. И не надо ни на кого сваливать вину за свою "несчастьность" – ни на коварных соседей или завоевателей, ни на случайности, ибо и случайности далеко не случайны, но не потому, что существует какая-то "судьба", рок или миссия, а в силу того, что у случайностей есть конкретные причины.

Одна из основных причин многих случайностей – национальный характер русских. Он далеко не един. В нем скрещиваются не только разные черты, но черты в "едином регистре": религиозность с крайним безбожием, бескорыстие со скопидомством, практицизм с полной беспомощностью

перед внешними обстоятельствами, гостеприимство с человеконенавистничеством, национальное самооплевывание с шовинизмом, неумение воевать с внезапно проявляющимися великолепными чертами боевой стойкости.

“Бессмысленный и беспощадный”, – сказал Пушкин о русском бунте, но в моменты бунта эти черты обращены прежде всего на самих себя, на бунтующих, жертвующих жизнью ради скудной по содержанию и малопонятной по выражению идеи.

“Широкий, очень широкий русский человек – я бы сузил его”, – заявляет Иван Карамазов у Достоевского.

Совершенно правы те, кто говорит о склонности русских к крайностям во всем. Причины этого требуют особого разговора. Скажу только, что они вполне конкретны и не требуют веры в судьбу и “миссию”. Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека.

Это предпочтение крайностей во всем в сочетании с крайним же легковерием, которое вызывало и вызывает до сих пор появление в русской истории десятков самозванцев, привело и к победе большевиков. Большевики победили отчасти потому, что они (по представлениям толпы) хотели больших перемен, чем меньшевики, которые якобы предлагали их значительно меньше. Такого рода доводы, не отраженные в документах (газетах, листовках, лозунгах), я тем не менее запомнил совершенно отчетливо. Это было уже на моей памяти.

Несчастье русских – в их легковерии. Это не легкомыслие, отнюдь нет. Иногда легковерие выступает в форме доверчивости, тогда оно связано с добротой, отзывчивостью, гостеприимством (даже в знаменитом, ныне исчезнувшем, хлебосольстве). То есть это одна из обратных сторон того ряда, в который обычно выстраиваются положительные и отрицательные черты в контрдансе национального характера. А иногда легковерие ведет к построению легковесных

Дионисий Ареопагит.
Фрагмент иконы “Успение Богоматери”.
Кон. XII – нач. XIII в.
Государственная Третьяковская
галерея

*Св. Николай Чудотворец.
Моленная икона
преп. Сергия Радонежского. XIV в.*

планов экономического и государственного спасения (Никита Хрущев верил в свиноводство, затем в кролиководство, потом поклонялся кукурузе, и это очень типично для русского простолюдина).

Русские часто сами смеются над собственным легковерием; все делаем на авось и небось, надеемся, что “кривая вывезет”. Эти словечки и выражения, отлично характеризующие типично русское поведение даже в критических ситуациях, не переводимы ни на один язык. Тут вовсе не проявление легкомыслия в практических вопросах, так его толковать нельзя, – это вера в судьбу в форме недоверия к себе и вера в свою предназначенность.

Стремление уйти от государственной “опеки” навстречу опасностям в степи или в леса, в Сибирь, искать счастливого Беловодья и в этих поисках угодить на Аляску, даже переселиться в Японию.

Иногда это вера в иностранцев, а иногда поиски в этих же иностранцах виновников всех несчастий. Несомненно, что в карьере многих “своих” иностранцев сыграло роль именно то обстоятельство, что они были нерусскими – грузинами, чеченцами, татарами и т. п.

Драма русского легковерия усугубляется и тем, что русский ум отнюдь не связан повседневными заботами, он стремится осмыслить историю и свою жизнь, все происходящее в мире в самом глубоком смысле. Русский крестьянин, сидя на завалинке своего дома, рассуждает с друзьями о политике и русской судьбе – судьбе России. Это обычное явление, а не исключение!

Русские готовы рисковать самым драгоценным, они азартны в выполнении своих предположений и идей. Они готовы голодать, страдать, даже идти на самосожжение (как сотнями сжигали себя староверы) ради своей веры, своих убеждений, ради идеи. И это имело место не только в прошлом – это есть и сейчас. (Разве не верили избиратели в явно несбыточные обещания некоего депутата, ныне заседающего в Госдуме?)

Нам, русским, необходимо, наконец, обрести право и силу самим отвечать за свое настоящее, самим решать свою политику – и в области культуры, и в области экономики, и в области государственного права, – опираясь на реальные факты, на реальные традиции, а не на различного рода предрассудки, связанные с русской историей, на мифы о всемирно-исторической “миссии” русского народа и на его якобы обреченность в силу мифических представлений о каком-то особенно тяжелом наследстве рабства, которого не было, крепостного права, которое было у многих, на якобы отсутствие “демократических традиций”, которые на самом деле у нас были, на якобы отсутствие деловых качеств, которых было сверхдостаточно (одно освоение Сибири чего стоит), и т. д., и т. п. У нас была история не хуже и не лучше, чем у других народов.

Нам самим надо отвечать за наше нынешнее положение, мы в ответе перед временем и не должны сваливать все на своих достойных всяческого уважения и почитания предков, но при этом, конечно, должны учитывать тяжелые последствия коммунистической диктатуры.

Мы свободны – и именно поэтому ответственны. Хуже всего все валить на судьбу, на авось и небось, надеяться на “кривую”. Не вывезет нас “кривая”!

Мы не соглашаемся с мифами о русской истории и русской культуре, созданными в основном еще при Петре, которому необходимо было оттолкнуться от русских традиций, чтобы двигаться в нужном ему направлении. Но означает ли это, что мы должны успокоиться и считать, что мы пребываем в “нормальном положении”?

Нет, нет и нет! Тысячелетние культурные традиции ко многому обязывают. Мы должны, нам крайне необходимо продолжать оставаться великой державой, но не только по своей обширности и многолюдству, а в силу той великой культуры, которой должны быть достойны и которую не случайно, когда хотят ее унижить, противопоставляют культуре всей Европы, всех западных стран. Не одной какой-либо стране, а именно всем странам. Это часто делается произвольно, но подобное противопоставление само по себе уже указывает на то, что Россию можно ставить рядом с Европой.

Если мы сохраним нашу культуру и все то, что способствует ее развитию, – библиотеки, музеи, архивы, школы, университеты, периодику (особенно типичные для России “толстые” журналы), – если сохраним неиспорченным наш богатейший язык, литературу, музыкальное образование, научные институты, то мы, безусловно, будем занимать одно из ведущих мест на Севере Европы и Азии.

И, размышляя о нашей культуре, нашей истории, мы не можем уйти от памяти, как не можем уйти от самих себя. Ведь культура сильна традициями, памятью о прошлом. И важно, чтобы она сохраняла то, что ее достойно.